

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-231-232

© В. Я. Звиняцковский (Украина)

«ЮБИЛЕЙ» А. П. ЧЕХОВА: НЕИЗВЕСТНОЕ НАЧАЛО СЦЕНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Согласно мемуарному свидетельству И. Л. Леонтьева-Щеглова, Чехов «драматургом <...> сделался <...>, можно сказать, нечаянно, попав однажды в театр Корша на представление заигранной одноактной пьески „Победителей не судят“ (сюжет пьески вертится на укрошении грубого, но добродушного моряка великосветской красавицей). <...> У Корша отличались г-жа Рыбчинская и г. Соловцов, находившийся, кстати сказать, в приятельских отношениях с Чеховым. Соловцов, своей дюжей фигурой, зычным голосом и резкой манерой подходивший как нельзя более к заглавной роли, настолько понравился Чехову, что у него, как он сам мне рассказывал, явилась мысль написать для него „роль“... нечто вроде русского медведя, взамен французского. Таким образом, появился на свет водевиль „Медведь“ — чеховский театральный первенец, жизненностью и оригинальностью оставивший далеко за флагом своих шаблонных водевильных сверстников».¹

И дальше Леонтьев-Щеглов рассказывает о первом сценическом успехе Чехова — представлении «Медведя».

Но если Чехов был обязан своему приятелю Н. Н. Соловцову (1857–1902) и «нечаянной» идеей стать драматургом, и первым сценическим успехом, то и Соловцов был обязан своему приятелю Чехову переходом от шаблонных водевильных характеров к не вполне шаблонным. И это лишь первое, чем оба друг другу были обязаны... Подводя итог многолетней дружбе, Чехов писал О. Л. Книппер 15 января 1902 года: «Умер Соловцов. Мне даже не верится. Я от него получал громадные телеграммы, то поздравительные, то деловые, зарабатывал через него по крайней мере рублей 200 в год...».²

Поздравительные телеграммы были связаны с тем огромным успехом (как видим по приведенной выше цитате, коммерческим в том числе), которым всегда, без единого исключения, пользовались в Киеве и Одессе пьесы Чехова, поставленные здесь впервые именно Солов-

цовым. А в Москве он единственный при жизни Чехова ставил «Лешего». Таким образом, можно сказать, что Соловцов был у истоков сценической истории всех более или менее заметных драматических произведений Чехова (разумеется, кроме «Вишневого сада», до которого не дожил).

Читатель, сведущий в чеховедении, может мне решительно возразить: мол, *нельзя* так сказать, ибо к более или менее заметным произведениям чеховской драматургии мы относим и чеховские водевили, «жизненностью и оригинальностью оставившие далеко за флагом своих шаблонных водевильных сверстников». А это не только «Медведь», но еще и как минимум «Юбилей». А про него, в свою очередь, из комментария к академическому собранию сочинений нам известно, что он впервые был поставлен 28 ноября 1900 года, и отнюдь не Соловцовым.³

Последнее обстоятельство выглядит странным. Организатор рискованного предприятия — Киевского товарищества драматических артистов, Соловцов с 1891 года избрал миссию удивлять требовательную, капризную, но совершенно нетеатральную киевскую публику. Он решил стать здесь не очередным гастролером, а создать первый в городе постоянно действующий драматический театр. А для этого был необходим именно нешаблонный, незаигранный репертуар. Это — одна сторона медали.

А вот и другая — литографированное издание разрешенной к постановке новой пьесы: Юбилей. Шутка в 1-м действии А. Чехова. М., 1892. Неужели Соловцов им не воспользовался?

К счастью, существует летопись истории драматического театра в Киеве за XIX столетие — по 1893 год включительно. И вот почти в самом конце этой летописи читаем, что весенний сезон Киевского товарищества драматических артистов в 1893 году открылся 31 марта, и в афишах этого первого спектакля значились: «„Счастливец“, ком<едия> в 4 д. Немиров<ича>-Дацценко; „Юбилей“, шутка в 1 д. Чехова в 1-й раз в Киеве».⁴ Смеем пред-

¹ Леонтьев-Щеглов И. Л. Из воспоминаний об Антоне Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 59–60.

² Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1981. Т. 10. С. 170.

³ См.: Там же. Соч.: В 18 т. Т. 12. С. 397.

⁴ Николаев Н. И. Драматический театр в г. Киеве: Исторический очерк (1803–1893 гг.). Киев, 1898. С. 199.

положить, что это могла быть и «мировая» премьера, не отмеченная в академическом 30-томнике.

Упоминание о «Юбилее» в театральной летописи Н. И. Николаева подтверждается и откликами в печати. Так, 2 апреля в газете «Киевлянин» можно было прочесть следующее: «Спектакль 31 марта закончился новой одноактной пьеской А. П. Чехова „Юбилей“. Это пьеска несколько карикатурная, но не лишённая наблюдательности и той свежести юмора, блестяки которого рассеяны по всем крошечным беллетристическим произведениям талантливого автора. Благодаря непринужденной и оживленной игре г. Чужбинова, г-жи Шаравъевой, г. Долинова и г-жи Чужбиновой в театре все время стоял несомлакаемый хохот. Театр был полон».⁵

Эта мини-рецензия в контексте многочисленных отзывов газеты «Киевлянин» на прижизненные постановки пьес Чехова по-своему уникальна. Дело в том, что эта газета на протяжении полутора десятилетий вела унылую и мелочную войну с серьезными произведениями упомянутого «талантливого автора», блестяки юмора которого, как снисходительно указывал киевский рецензент, «рассеяны по всем крошечным беллетристическим» его произведениям. Что ж, некогда Чехов в молодом задоре сам объявил войну мракобесному орга-

⁵ Из. Ал-ский [Александровский И. В.]. Театральные заметки // Киевлянин. 1893. 2 апр. № 90.

ну печати, и как раз в одной из «блесток» своей юмористики, точнее в одном из «Обер-верхов», опубликованных в «Осколках» почти ровно за десять лет до цитированной рецензии — 9 апреля 1883 года:

Верх благонамеренности

Нам пишут, что на днях один из сотрудников «Киевлянина», некий Т., начитавшись московских газет, в припадке сомнения сделал у самого себя обыск. Не нашедши ничего предосудительного, он все-таки сводил себя в квартал.⁶

Театральным обозревателем «Киевлянина» с начала 1880-х служил Измаил Владимирович Александровский (годы жизни точно неизвестны, примерно 1850-е — 1920-е). Вряд ли именно он ассоциировал себя с героем «Верха благонамеренности», и вряд ли вообще у этого героя был конкретный прототип — дело было в общем реакционном, охранительном духе «Киевлянина», известном всей Российской империи. Но как бы то ни было, Александровский последовательно ругал все киевские соловцовские спектакли по пьесам Чехова, начиная «Ивановым» и кончая «Тремя сестрами».

Однако же «Юбилей» привел обозревателя в благодушно-снисходительное настроение. Видимо, игра соловцовской труппы была и впрямь «непринужденной и оживленной».

⁶ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Соч. Т. 2. С. 106.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-232-235

© М. М. Павлова

НОВОНАЙДЕННЫЙ ЭКСПРОМТ ФЕДОРА СОЛОГУБА. ИЗ ДОПОЛНЕНИЙ К DUBIA

Злободневные экспромты, пародии и эпиграммы Федора Сологуба, ходившие в годы Первой русской революции в устной форме и в списках, остаются практически неизвестными и не разысканными.

По свидетельству современников, у Сологуба их было немало и, судя по всему, эти неподцензурные тексты имели широкую известность в кругах творческой элиты, как и сатирические стихи поэта — «Шут», «Четыре офицера...», «Веселая народная песня», «У правительства — нагайки, пулеметы и штыки...», «Халдейская песня» и некоторые другие, печатавшиеся в 1905–1906 годах в боевых журналах «Зритель», «Сигнал», «Пламя», «Вольница».

До нас дошли лишь единичные опусы из этого корпуса, почти все они относятся к разряду dubia, поскольку сообщаются мемуари-

стами. Вл. Пяст, например, записал: «Не помню, однако, посмел ли кто-нибудь напечатать ту стихотворную сказочку, которая кончается так:

Погаснул газ, погасло электричество, —
И спряталось его величество».¹

Еще один неподцензурный текст процитировал Андрей Белый в «Начале века», сопроводив его комментарием: «В 905 году он очень ярко откликнулся на расстрел рабочих; его жальщие пародии на духовенство и власть были широко распространены в Петербурге:

¹ Пяст Вл. Встречи / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Р. Тименчика. М., 1997. С. 26.